

Ученый отшельник

К 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ ПРОФЕССОРА СПБДА В.В.БОЛОТОВА

Санкт-Петербургская Духовная Академия. Фото начала XX века

Столетие назад, 5 (18) апреля 1900 года в Санкт-Петербурге в 7 часов вечера после непродолжительной болезни, на руках своих друзей тихо скончался один из величайших отечественных церковных историков — профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Василий Васильевич Болотов.

Засвою короткую жизнь (он прожил всего 46 лет) ученому удалось вывести русскую церковно-историческую науку на уровень, едва достижимый лучшими представителями западной учености. Обладая замечательными лингвистическими способностями, он самостоятельно изучил множество восточных языков и потому мог работать в областях знания, практически недоступных современным ему ученым. Не уступая по компетентности зарубежным коллегам, он оставался русским ученым и

церковным деятелем. Профессор Болотов был также редким специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин, которые им активно привлекались на службу Церкви.

ВАСИЛЬЮШКА

Василий Васильевич был сыном дьячка Осташковского Троицкого собора, Василия Тимофеевича Болотова, который, оставшись вдовцом в 45 лет, женился во второй раз, имея на руках сына и дочь. Вторая жена его — мать будущего профессора — двадцатисемилетняя девица Мария Ивановна Вишнякова, росшая в семье без отца, была дочерью протоиерея села Кравотыни. О материальном положении семьи Болотовых известно следующее:

когда «молодые» после «венца» приехали на квартиру, к мужу пришли кредиторы требовать уплаты долга за гроб первой жены. Но и такое семейное «счастье» длилось недолго. В ноябре, через полгода после свадьбы, глава семьи утонул в озере Селигер, загоня домашних гусей по неокрепшему льду. Продав имущество в счет уплаты долгов, несчастная вдова возвратилась в родное село, где через полтора месяца после смерти мужа (31 декабря 1853 года) разрешилась от бремени мальчиком, которого в крещении назвали Василием.

Мать воспитывала своего «Васильюшку» с исключительной любовью и заботливостью. Зарабатывая на пропитание выпечкой просфор и пошивом одежды крестьянам, Мария Ивановна по характеру занятий всегда неотлучно была при своем детище. Привыкший быть с глазу на глаз с матерью-домоседкой, мальчик почти никогда не принимал участия в шумных детских играх, хотя, вероятно, следуя чувству врожденной общительности, держался рядом с детьми, находя себе тихие забавы. Мать не позволяла шумной компании увлечь сына далеко от дома, и соседних улиц села Кравотыни мальчик совсем не знал, считая их небезопасными. Сидячий образ жизни и недостаток физических упражнений отразились на внешности ребенка. Плотный, среднего роста, он был несколько сутуловат, неуклюже бегал, некрасиво размахивая при этом руками. Василий унаследовал от матери не только внешность — она положила начало религиозной и нравственной настроенности будущего профессора. Всегда отзывчивая и внимательная к людям, Мария Ивановна каждое утро начинала с усердной молитвы. Воскресные дни мать с сыном проводили в Кравотынской церкви, которая находилась в двух шагах от дома, а по большим праздникам ходили на богомолье в Нилову пустынь. Мать научила Василия и «тайне чтения» — уже на седьмом году жизни он прекрасно читал и, обладая от природы феноменальной памятью, с поразительной точностью воспроизводил все прочитанное. Память Болотова была наследственной чертой. Известно, что и мать его «все слышанное ею в разное время передавала всегда с буквальной точностью, она не могла ничего забыть».

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

Без особого труда освоив основы книжной премудрости, девятилетний Болотов поступил в низший класс Осташковского духовного училища, где по праву занял место первого ученика. Если случалось посетить училище высокому начальнику или архиерею, учителя с удовольствием представляли им свою «красу и гордость», и юный Болотов удивлял гостей своими основательными и не по летам умными речами. Здесь, в училище, проявилась его способность к языкам: во время летних каникул Василий, не пользуясь словарем, составляет канон своему небесному покровителю на греческом, славянском и русском языках. Играя с еврейскими детьми и наблюдая за их молитвами, юный Болотов познакомился с еврейским книжным языком и выучился читать и писать на нем. Училище Василий закончил, имея по всем предме-

Профессор В.В.Болотов

там «отлично хорошо», и лишь по церковному пению «весьма хорошо».

В 1869 году, когда ему исполнилось 15 лет, он поступил в Тверскую Духовную Семинарию. Один из наставников, составляя список учащихся, высказал желание поставить Болотова первым, а затем, пропустив примерно номеров семьдесят, поставить уже второго ученика и так далее. В семинарии Болотов сам изучил немецкий и французский языки и приступил к изучению арабского и сирийского, при этом свободно владея греческим, латинским и еврейским. Преподаватели считались с его мнением: один из них говорил, что при объяснении урока в классе нет-нет, да и посмотрит — не морщится ли Болотов. Слушая ответ Василия Болотова по патристике и поражаясь тому, как он наизусть приводит цитаты из греческих и латинских отцов, Преосвященный Филофей ограждал себя крестным знаменем.

Из своих знаний Василий не делал секрета, он охотно спешил на помощь всякому нуждающемуся. Изучив пособие, Василий рассказывал «любопытным» товарищам наиболее важное из него, что для многих оказывалось несравненно удобнее и полезнее индивидуального прочтения. Василий излагал материал со свойственной ему точностью, добросовестностью и медлительностью, подчас не нравившейся некоторым семинаристам, спешившим ухватить лишь кое-как и кое-что из неподготовленного урока. Всем было известно, что Василия невозможно заманить на вечеринку, гулянье или в шумное

светское общество, а в особенности такое, где были молодые барышни. Но однажды ради друга, который затруднялся в выборе одной из трех невест, «ученый отшельник» согласился побеседовать сразу с тремя девушками. Василий как будто переродился: помчался неуправляемый поток вопросов. Умело и ненавязчиво предлагая самые разнообразные темы для разговора, он попытался выяснить характеризующие их отношение к различным предметам. По окончании беседы молодой психолог-самоучка вынес вердикт: «Лучше всех N: и умна, и хозяйка, немножко горяченька, но это ничего — жизнь охладит!» Жених впоследствии подтвердит правильность выбора.

Как человек погруженный в науку, Василий не допускал исключительной привязанности к кому-либо, он со всеми сохранял ровные отношения, с каждым был приветлив. Всегда являвшийся образцом дисциплинированного семинариста, добросовестно выполнявший любые обязанности, Василий был в высшей степени снисходителен к слабостям и увлечениям своих товарищей, позволявших себе неодобрительные поступки. Многие при нем стеснялись делать то, что в его отсутствие считали вполне допустимым.

Единственным постоянным спутником Василия Болотова была книга. Читал он все, что только можно было достать в Твери, но ничто дурное не касалось его души — разнообразное чтение только развивало гибкость и объективность мысли, пробуждало дух анализа и здоровой критики.

По окончании Семинарии, вопреки советам товарищей, склонявших его к поступлению в Университет, а также желанию ректора и инспектора Тверской Семинарии, направлявших его в МДА, Василий Болотов самостоятельно избрал для продолжения образования Санкт-Петербургскую Духовную Академию, «как наиболее благоприятно обставленную в научном отношении». В Академии, как и в Семинарии, жизнь Василия Васильевича была посвящена одной только науке, и все, что ее не касалось, Болотова не интересовало. Газет он не читал и о событиях в мире узнавал понаслышке. За стены Академии, по его собственным словам, Болотов выходил «чуть ли не так часто, как медведь из берлоги в зимнее время». Вне Академии его можно было встретить лишь идущим в Императорскую публичную библиотеку, но, начиная с III-го курса, он занялся кандидатским сочинением на тему, позволившую собрать около себя все источники и «не мыкаться... за три версты».

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ПОДАЮЩИЙ «САМЫЕ ОТРАДНЫЕ НАДЕЖДЫ»

Студент, занимавшийся на церковно-историческом отделении, усиленно изучавший восточные языки, своими замечательными дарованиями, трудолюбием и примерным поведением обративший на себя внимание преподавателей и священноначалия, — Василий Васильевич Болотов за полтора года до окончания Академии был

назначен на внезапно осиротевшую кафедру церковной истории. Ученый Совет выразил убеждение в целесообразности отсрочки в замещении кафедры до окончания Болотовым академического курса с тем, чтобы впоследствии «кафедра перешла в руки преподавателя, подающего самые отрадные надежды». Полноправно занять сохранившуюся за ним кафедру двадцатилетний Болотов смог в конце 1879 года после блестящей защиты своей магистерской диссертации.

Занимавший в течение двадцати лет кафедру Древней Церковной Истории, Василий Васильевич Болотов явил себя едва ли не самым выдающимся представителем этой науки. И как преподаватель, и как ученый-исследователь, он объединил в себе все качества, необходимые для церковного историка. Постоянно расширяя свои филологические познания, он получил доступ ко всем интересующим его первоисточникам. По словам Болотова, сразу по назначении на кафедру он «признал обязательными для себя языки первоисточников древней церковной истории: греческий, латинский, сирийский, арабский, коптский, эфиопский, армянский». Этим его лингвистические познания не ограничивались — он был знатоком ассиро-вавилонской клинописи, древнеегипетских иероглифов, а также санскрита. Из европейских, кроме общеизвестных немецкого, французского, английского и итальянского, он знал финский, голландский, датский, норвежский, португальский, мадьярский, котский, кельтский, турецкий. Изучение языков всегда являлось средством к проникновению во внутреннюю жизнь, литературу, историю и традиции народа. Благодаря знанию восточных языков, Василий Васильевич мог работать в таких областях церковной истории, которые до него в России почти не подвергались научным исследованиям и весьма немногих привлекали на Западе. За исключением нескольких ранних научных статей, написанных на заказ для церковной периодической печати, во всех своих публикациях Болотов выступал в качестве исследователя, представляющего всегда нечто новое, или, по крайней мере, вносящего существенные поправки к старому. Этим обуславливался крайне специальный характер его трудов, где добытое прежними учеными считалось известным читателю и обосновывались лишь новые тезисы.

Профессор А.И. Бриллиантов, товарищ и ученик Болотова, характеризуя научную деятельность Василия Васильевича, писал относительно его журнальных публикаций, что «можно, кажется, смело не верить тому, кто стал бы утверждать, что он читал их, притом с интересом и пониманием». Сам Болотов писал в письме к товарищу: «заурядный читатель от моих статей шарахается и в подписи «В. Болотов» видит явное для себя предостережение..., до того они непонятны». Но далее в том же письме отмечает: «читатели полета высшего...остаются так довольны моими работами, что их отзывы способны утолить даже танталовское самолюбие». На более широкую аудиторию были рассчитаны академические лекции Болотова, где профессор вынужден был играть роль популяризатора, но Василий Васильевич не был простым компилятором исследований западных историков. Он

Выпуск СПбДА 1904 года

стремился по первоисточникам воссоздать прошедшую жизнь Христианской Церкви, подвергая тщательному научному анализу установившиеся взгляды и методы. Его лекции, по содержанию строго научные, были к тому же очень изящно изложены стилистически.

Исследования Болотова представляли и представляют глубокий интерес независимо от содержащихся в них научных открытий. Они интересны с методологической стороны по совершенству научно-технических приемов исследования. Изучая ту или иную область прошедшей жизни Церкви, он считал необходимым изучать и все смежные с нею области. Эта постоянная работа сделала его превосходным специалистом в вопросах общей хронологии, древней географии, истории древней культуры, государственного и частного быта, метрологии и во многом другом.

Высшие церковные власти и светское правительство часто прибегали к его эрудиции и пользовались его талантами. Василий Васильевич являлся членом комиссии по присоединению к православию старокатоликов и сирохалдейских несториан; будучи «юлианистом из непримиримых», участвовал в комиссии по согласованию календарных стилей. Рецензии Болотова на представляемые к защите диссертации по объему и содержанию зачастую превращались в целые исследования, самоценные научные труды.

Много потрудился профессор Болотов над устройством внутренней жизни Петербургской Академии. Василий Васильевич включали в разные комиссии: административные, юридические, церковно-общественные. Выработанные им правила академической жизни отличаются юридической краткостью и точностью выражений, они проникнуты заботой об интересах науки и сохранении прав студентов. В записке Болотова к «Правилам о взысканиях за несвоевременную подачу семестровых сочинений», направленным «к ограждению лучших студентов от давления на их стадный инстинкт со стороны их товарищей», состоящий из четырех пунктов, среди прочего читаем:

«2... Совет Академии имеет полное нравственное право требовать, чтобы большинство студентов, в значительной степени обязанное своею численностью той массе, которая на поступление в Академию не имела права и оказалась здесь только по милости Его высокопреосвященства и снисходительности Совета, — заявило себя с наилучшей стороны тем, что... строго подчиняется требованиям закона и поэтому всегда аккуратна. Вольности для аристократов; ремесленник пусть твердо помнит свой наугольник и срок заказа.

Нужно освободить умственную аристократию от охлократической тирании, давящей первую под фальшивым флагом товарищества.

Нужно ослабить заразительность массового примера и отбить охоту к сознательным коллективным действиям...»

Болотов весьма сдержанно относился к научным степеням и почестям, докторской степени себе не искал, но его ученая слава превосходила эту степень. Сама докторская степень как бы принижалась тем, что ее не имел Василий Васильевич. В последние годы его жизни и деятельности за ним окончательно закрепился авторитет всесторонне компетентного ученого, единственного специалиста в некоторых областях. В 1896 году по единодушному решению Совета Академии профессору В.В.Болотову за совокупность прошлых научных трудов была присвоена ученая степень доктора Церковной Истории без представления с его стороны соответствующего сочинения.

СЫН XIX СТОЛЕТИЯ

Пока жива была мать Василия Васильевича, его связь с Тверской землей не прерывалась. Каждое лето он приезжал в Кравотынь на месяц-полтора. Его быт в деревне, как, впрочем, и в столице, был самым простым. Вместе с маменькой он ходил к каждой праздничной службе в сельский храм. Петь не любил и стоял в церкви либо в алтаре, либо за левым свободным клиросом, либо в отдаленном углу. Из села Болотов никуда (за исключением Ниловой пустыни) не отлучался и в гости ни к кому не ходил, хотя у себя охотно принимал гостей. Со всеми был почтителен, всех, даже близких, всегда звал на «вы», никому не делая исключения. Встречаясь с крестьянами, всегда здоровался первым, иногда подолгу разговаривал со знакомыми, с женщинами же — никогда, не имея вообще к ним симпатии. Василий Васильевич никогда не пил вина и не курил. За недостатком места в помещении, ученый спал в сенях за занавеской. Помогал матери по хозяйству, ходил за водой, варил обед и любил греть самовар. По утрам ходил на тихий селигерский берег купаться, хотя плавать не умел, несмотря на то, что родился у озера. Каждые три дня занимался вычислением истинного полдня для села Кравотыни.

В 1898 году Василий Васильевич в последний раз побывал в родном селе. В 1899 году болезнь не отпускала его «ни на шаг от аптеки». Мать — уже почтенная старушка — болела, и Болотову приходилось ухаживать за ней; собственное его здоровье тоже пошатнулось. Он писал о себе, что не жилец XX века, что «серьезно собирается умереть в XIX веке и остаться сыном XIX столетия».

Если раньше склонность к уединению, избегание женского общества, малознакомых лиц, шумных компаний делали его почти затворником, то теперь же сам, даже без приглашения, охотно посещал добрых знакомых, особенно часто и подолгу бывая у сельского батюшки, часто посещая настоятеля Ниловой пустыни архимандрита Арсения, местного подвижника, которого знал с детства, часами беседовал с ним.

Сосмертью матери (май 1899 года), самого дорогого для Василия Васильевича человека, оборвалась едва ли

ВЫСОЧАЙШЕЕ СОБОЛЪЗНОВАНИЕ.

Телеграмма изъ Москвы на имя Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго.

«ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно выразить С.-Петербургской Духовной Академіи Свое соболъзнованіе по поводу тяжкой утраты, ею понесенной со смертью профессора Василя Васильевича Болотова, ученые труды котораго были извѣстны ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ.

Сенаторъ Владиміръ Саблеръ».

не единственная связь его с миром. Несмотря на значительную разницу в возрасте, Болотов не пережил свою мать и на год. Обострилась проявлявшая себя еще в 1896 году болезнь ноги, — возможное следствие привычки при работе закладывать ногу на ногу и при этом держать на левой ноге иногда до шести килограммов книг, придерживая их левым локтем. Вдобавок к этому — болезни желудка, ревматизм и Haemorrhoides. Хронический нефрит приближался к фазе, когда медицинская помощь становится бессильной. Обремененный трудами, Болотов не принимал своевременных лечебных мер. Лишь ужасающая перспектива того, что больная матушка в своей беспомощной старости переживет сына, тяготила его. Теперь же, по его словам, «снял Господь этот камень с сердца». За три неполных месяца до смерти он пишет, что последние дни матушки прошли хорошо, и он сам стал «свободен сый от всех и следовательно будь вперед, что Бог дает, ни желаний, ни тревог, ни вопросов о долготии».

22 марта 1900 года профессор Болотов был более не в состоянии двигаться и слег в постель. 23 марта больной был отправлен в больницу. С собой он взял несколько книг по церковной истории Египта, прочитать которые ему, однако, не удалось. Три дня спустя у больного обнаружили эпилептические припадки, страшно ослабившие и без того надломленный организм.

4 апреля больной почувствовал себя лучше, но пятого числа того же месяца положение его стало совсем тяжелым. Больной в этот день приобщился Святых Таин (третий раз за время болезни), местный священник прочитал последование на исход души, после чего больной, казалось, ожил, узнал друзей и сослуживцев, пришедших к нему. Но физические силы все более слабели, сознание то исчезало, то появлялось, и тогда он старался говорить. За три часа до смерти он произнес: «Как прекрасны предсмертные минуты!» Спустя час: «Умираю!» Несмотря на страдания, больной сохранял жизнерадостное настроение и, хотя и с трудом, преодолевая усиливающийся отек легких, продолжал произносить последние слова и фразы: «Иду ко кресту», «Христос идет», «Бог идет», несколько слов на непонятных присутствующим каких-то восточных языках. За четверть часа до смерти он перестал говорить, тихо, спокойно стал как бы засыпать, закрыл глаза и сложил на груди руки.

Василий Васильевич Болотов умер в семь часов вечера, 5 апреля 1900 года, во время богослужения на Великий Четверг.

После смерти Болотова единственное богатство его квартиры — библиотека (2593 наименования в количестве 4095 томов и брошюр), — была пожертвована в собственность Академии.

Обработкой и подготовкой к печати неизданных при жизни сочинений Василия Васильевича занялся его преемник по кафедре профессор А.И.Бриллиантов. Публикация получивших всемирную известность «Лекций по истории древней Церкви» В.В.Болотова была плодом кропотливого двенадцатилетнего труда Александра Ивановича по сбору и обработке автографов покойного профессора, авторизованных им литографий и неавторизованных записей, сделанных слушателями лекций. Кроме того Бриллиантов подготовил к публикации в «Христианском Чтении» более десятка сочинений В.В.Болотова, из которых особый интерес представляют ставшие классическими тезисы о Filioque.

Курс лекций по общей церковной истории, читавшийся Бриллиантовым в Санкт-Петербургской Духовной Академии, начиная с 1900 года, представляет собой продолжение и развитие методологических принципов В.В.Болотова. Этот курс не предназначался автором к публикации и потому сохранился лишь в рукописях и литографиях.

Научный путь профессора Болотова прервался на середине, покойный не успел даже сформулировать свои конечные научные цели. Жизненный путь Болотова-христианина хоть и не был долог (46 лет — небольшой возраст), — прямо вел его к блаженной кончине. Василий Васильевич Болотов сумел соединить в себе научную мудрость и теплое христианское чувство. В совершенстве освоивший критический метод, ученый пребывал в полной любви, внимании и послушании церковному вселенскому преданию. Он не искал в напря-

А. Бриллиантов

Профессор А.И.Бриллиантов

женных научных трудах, как в аскетических подвигах, противовеса земным вожделениям, но в стремлении к Истине, имеющей «сожитие» с Богом, забыл все земное.

Юрий Гагарин, 4 курс МДС

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бриллиантов А.И., проф. Профессор Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. // Христианское чтение. Апрель, май, июнь, июль 1910.
2. Бриллиантов А.И., проф. К характеристике ученой деятельности профессора В.В.Болотова как церковного историка. СПб., 1901.
3. Бриллиантов А.И., проф. Памяти профессора В.В.Болотова. СПб., 1912.
4. Венок на могилу в Бозе почившего В.В.Болотова. СПб., 1900.
5. Рубцов М. Василий Васильевич Болотов (Биографический очерк). Тверь, 1900.
6. Уберский И. Памяти профессора СПбДА В.В.Болотова. СПб., 1903.